

1812–2012

---



Василий Костерин

---

НЕ ОПАЛИ МЕНЯ, КУПИНА. 1812

---



Издательство Московской Патриархии  
Русской Православной Церкви  
Москва · 2012

Допущено к распространению  
Издательским Советом  
Русской Православной Церкви  
ИС—12—216—1380

## РУКОПИСЬ

### Костерин Василий

К 721 Не опали меня, Купина. 1812. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 215 с.

Сегодня мы знаем о войне 1812 года, кажется, всё. О ней написано множество исторических исследований и художественных произведений. И всё же читателю предлагается ещё одна книга на эту тему. Чем же она отличается от других? Повесть необычна тем, что события того памятного года изображены глазами французского офицера, непосредственного участника войны. С героем повести читатель побывает в разорённой Москве и в Париже, на Синае и в Венгрии, пройдёт с наполеоновской армией до Первопрестольной и увидит бесславный путь завоевателей восвояси, отмеченный в конце гибельной переправой через Березину. Наряду с вымышленными персонажами в повести встречаются исторические личности, такие как французский генерал Евгений Богарне или писатель Стендаль. Действие начинается в 1798, а заканчивается в 1828 году. И ещё одна отличительная особенность повести: исключительно важное место в ней занимают иконы, а образ Неопалимой Купины можно считать равноправным, если не главным, «действующим лицом» произведения.

© Издательство Московской Патриархии  
Русской Православной Церкви, 2012  
© Костерин В., 2012

ISBN 978-5-88017-324-2

Нельзя сказать, что на Николетт все сразу обращали внимание, но стройная фигура и тёмно-зеленые, с приподнятыми уголками глаза задерживали на себе взгляд. Я же заметил сначала блузку и жакет. Не знаю почему, но мне с детства казалось, что красный и зелёный не сочетаются ни в живописи, ни в одежде. Ну разве что в природе — ягодка малины, спрятавшаяся под матовым листом, или поздние вишенки-близнецы на фоне тёмной кроны. А тут увидел ярко-красную блузку и зелёный жакет. Я должен был признать, что эти два цвета сочетаются. Да ещё как! Нужен только вкус и глаз. Во всяком случае, на Николетт они выглядели удивительно гармонично.

Ещё я заметил причёску *à la Mireille Mathieu*<sup>1</sup>, чёрную чёлку, манеру ходить, садиться и сидеть вполоборота, а также слушать собеседника. И тут понял, что я пропал, что это именно та женщина, которую я ждал. В мечтаниях я не придавал моей будущей избраннице какой-либо конкретный образ. Например, никогда не думал, что она окажется зеленоглазой.

<sup>1</sup> Как у Мирей Матьё (фр.).

Почти у всех знакомых девушек были карие глаза. И вот я увидел её и сразу понял, что это Она (так, с заглавной буквы, написал бы Блок).

На конференции, где мы познакомились, я попал случайно. А если бы не получил визу? А если бы... И много, даже слишком много, вспоминается теперь разных «если». В тот год университет *Paris X Nanterre* организовал симпозиум, посвящённый тысячелетию Крещения Руси, и меня пригласили на него с докладом. Не помню, по какому поводу мы с Николетт начали беседовать. Сначала говорили по-французски, но когда я узнал, что она в Сорбонне изучала русский, перешёл на родной язык. Николетт не очень охотно, но сказала несколько слов по-русски. Она говорила со мной подчеркнуто на равных, примерно так, как Клинтон с Ельциным. То есть они как бы равны, оба президенты, но Клинтон — равнее. Ельцин же этого никогда не чувствовал и поэтому выглядел глупее, чем обычно.

Потом мы с Николетт заговорили о французской литературе, о любимых поэтах, я что-то читал по-французски, и мне всё казалось, что я краснею. Она слушала немного покровительственно и одобрительно. Конечно, Николетт очень любила и высоко ставила великую французскую литературу, моё знание её литературы она считала естественным. Новая знакомая похвалила мой французский

и произношение, которым нас мучили на первом курсе вплоть до того, что приходилось отрабатывать каждый звук, устанавливая речевой аппарат перед карманным зеркальцем.

Скоро Николетт стала внимательно вглядываться в меня зелёными с раскосинкой глазами... Какой-то мешковатый русский читает наизусть отрывок из оды Ронсара! А меня, что называется, понесло: я читал Альфреда де Мюссе, Верлена, неизвестного в России лауреата Нобелевской премии Сюлли-Прюдома, Жака Превера и опять Пьера де Ронсара, но не оды, а сонеты (тогда я не сказал Николетт, что писал о нём дипломную работу). Тут же выяснилось, что её фамилия Ронсар, правда, она просто однофамилица знаменитого поэта шестнадцатого века, а не родственница. Конечно, я видел в программе конференции «Н. Ронсар», только не думал, что именно эта красно-зелёная стройная девушка носит известнейшее во Франции имя.

Я очень старался понравиться ей. Я заливался соловьём, я щёлкал, я свистел, я выводил замысловатые рулады, выпускал трели. Она живо реагировала на все мои шутки и серьёзные рассуждения, и, когда смеялась, её глаза становились ещё более раскосыми, а когда задумывалась или хмурилась, углы глаз опускались и кошечкин (так я назвал его сходу) разрез исчезал. Всё то, что я выдал, Николетт знала

и любила, только не могла прочесть наизусть. Слушала она очень внимательно. Особенно, когда я говорил по-русски. Такого внимательного взгляда у своих собеседниц я никогда не видел. Потом у меня мелькнула мысль, что эта внимательность объясняется нетвёрдым знанием чужого языка, но я тут же отогнал её, и до сих пор с радостью думаю, что у моей Николетт самый внимательный взгляд на всём белом свете. Когда она меня слушает...

Три дня мы ежедневно встречались на конференции, а потом, не сговариваясь, стали видеться постоянно. На той конференции я сделал доклад о понимании церковного образа в трудах отца Павла Флоренского. Так в наших разговорах возникла тема иконы. Обещая мне сюрприз, она пригласила меня к себе домой на улицу Кошки, Которая Ловит Рыбу. Есть такая улочка — самая короткая и самая узкая — в Латинском квартале, да и в Париже тоже. Первое, что я увидел в гостинной, была икона Неопалимой Купины на старинном комод. И икона, и комод бросались в глаза, потому что лишь они напоминали о старых добрых временах, а вся остальная мебель была в доску современной (кажется, я пытаюсь каламбурить). Николетт тоном экскурсовода сказала: «Это икона Неопалимая Купина», а у неё получилось что-то вроде «эта-икона-не-опали-меня-купина». Икона была девятнадцатого века, что не вызывало сомнений.

Единственное удивившее меня отличие от привычной иконографии состояло в том, что на полях образа был написан маленький коленопреклоненный человечек, как на иконе Нечаянной Радости. Я перекрестился и приложился к образу. Николетт с удивлением и любопытством посмотрела на меня. Ну вот, так это было. Так начиналось...

Однажды в разгар того памятного нашего знакомства в Париже Николетт показала мне рукопись своего далёкого прадеда (не знаю, сколько пра- надо здесь добавить). Это были воспоминания французского офицера, участника наполеоновского похода в Россию. Звали его *Marc-Matthieu Ronsard* — Марк-Матьё Ронсар. Автор по скромности завещал родственникам не публиковать мемуары, а передавать их по наследству тому, кто будет оставаться жить в его квартире на улице Кошки, Которая Ловит Рыбу. Николетт сказала, что там есть что-то очень интересное об иконах. Листы были сшиты суровыми нитками, переплёт — из простого серого картона.

Ах как она пахла! У меня аллергия на пыль, и я тут же начал чихать. Несмотря на мои протесты, Николетт выбила рукопись, как выбивают ковёр. Ну, может, немного осторожнее. И я опять вдохнул запахи девятнадцатого века и... снова принялся чихать. Долго не открывал я рукопись. Мне было

достаточно держать её в руках, прижимать к груди, рассматривать серый картон с замысловатой вязью французских букв. У меня даже мелькнула мысль, что теперь я могу прославиться как публикатор и переводчик неизвестных дотоле воспоминаний о войне 1812 года. Мне уже мечталось, что с помощью наших эмигрантов первой волны эти записки можно будет издать сразу на двух языках...

Николетт видела, с каким восторгом я отнёсся к рукописи, и снисходительно позволила мне перевести для себя всё, что я найду интересным. Довольно быстро и с неожиданным вдохновением я сделал черновой перевод тех отрывков, в которых говорилось об иконе, потом некоторых других. Почерк был довольно разборчивый, но я, не без задней мысли, обращался за помощью к Николетт, а она, как мне казалось, с радостью делилась своими познаниями. Примерно через неделю такой совместной работы она сказала: «Ты знаешь, благодаря тебе я теперь другими глазами читаю записки моего прадеда. Они мне так нравятся! Я их недооценивала». «Да уж, — подумалось мне тогда, — нет пророка в своём отечестве».

По ходу дела я не слишком обращал внимание на шероховатости, остававшиеся в моём тексте. Дальше должна была начаться любимая работа: оттачивание языка и стиля с нечастой оглядкой на оригинал.

Но вот срок, отведённый визой, закончился, и мне пришлось уехать домой. А через некоторое время Николетт написала, что у них в доме прорвало трубу, квартиру затопило — и рукопись, лежавшая почему-то на нижней полке, фактически погибла. Бумага покоробилась от неумелого просушивания, и лишь на трёх-четырёх страницах остались пятна расплывчатого текста. Я был поражён тем, что и «у них» бывает подобное. У нас-то это дело привычное. А тут в центре Парижа, почти напротив собора Парижской Богородицы, и такое!..

Мой сырой перевод, таким образом, остался единственным свидетельством прерванного существования записок Марка-Матьё Ронсара на французском языке. Позже в Москве я продолжил работу над переводом без оригинала. Николетт помогала мне. По моему русскому тексту мы пытались восстановить некоторые французские синтаксические конструкции и перевести их более точно. Впрочем, при каждой переделке или правке перевод, вопреки моим стараниям, всё больше удалялся от оригинала, а потому читатель не должен искать в тексте следы французских стилистических или синтаксических оборотов и тем более языка девятнадцатого века. Думаю, скорее в нём можно обнаружить проявления моего собственного стиля, если, конечно, он у меня, литературоведа и переводчика, имеется.

## ПЛАМЯ НАД МОСКВОЙ

### I

Позволив себе сделать разбивку текста на главы, я дал названия некоторым из них, но это значит только то, что каждая глава является отрывком из связного текста. Между моими «главами» в рукописи Ронсара пролегают иногда десятки страниц. Оставляю также некоторые ни к чему не обязывающие французские словечки. С разрешения Николетт Ронсар предлагаю читателю многострадальное переложение записок Марка-Матё, снабдив его отдельными примечаниями (с позволения владелицы несохранившейся рукописи).

Итак, перед читателем избранные главы и отрывки из записок французского офицера:

Марк-Матё Ронсар

Записки о Великой войне. Год 1812-й. И не только о войне. *Перевод с французского*

Ах как она полыхала, *l'ancienne capitale de la Russie!*<sup>2</sup> Огромные языки пламени вставали над ней то как изогнутые шпильки, то как непомерно раздутые купола! Они рвались в небо оранжевыми и багровыми остриями и утыкались в густую тёмную пелену, которая накрыла город, они как будто стремились и не могли прорваться к небесам. Ко всему прочему поднялся сильный ветер, и пламя, как голодный разъярённый зверь, почуявший добычу, начало бросаться на не затронутые огнём дома и дворцы. Иногда приходилось идти как бы в огненном туннеле, особенно на узких улочках, где огонь бушевал не только справа и слева, но и над нами. Приходилось бежать, чтобы вырваться из-под этого пламенеющего свода на площадь или перекрёсток, где мы могли отдышаться, накапливая силы для следующего броска. Если ветер ненадолго утихал, то стена пламени становилась похожа на огромный занавес, который лишь слегка колебался

---

<sup>2</sup> Древняя столица Руси (фр.). Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. переводчика.

от приливов жара. Тогда можно было рассмотреть, как огонь менял свой цвет: горящие сера и смола, дерево и штукатурка, крашеное железо и цветные купола, меха и ткани, водка и спирт окрашивали пламя во все мыслимые и немыслимые цвета.

Большой театр, возле которого мы случайно оказались, горел как факел, и потушить его не было никакой возможности. К зданию примыкал склад с запасом дров на целый год; прекрасное произведение архитектуры как будто нарочно было обложено поленицами, и вот теперь всё это — и театр, и дрова — пошло в пищу ненасытному огню.

Ночью было светло, как днём, при желании мы могли бы даже читать. В течение первых четырёх суток мы обходились без всякого другого освещения.

В предыдущих походах мне доводилось видеть сильнейшие пожары, но такого — не пришлось наблюдать ни разу. Опустошительный пожар в Смоленске казался заметно меньшим. Здесь же бушевало даже не море, а необъятный океан огня и пламени! Влажный удушливый запах горелого метался в воздухе, а когда налетал порыв ветра, унося тяжелый дух, от огня веяло расплавленным металлом, и мои легкие отказывались служить. Я дышал полыхающим огнём, потому что дышать больше было нечем.

Здания в Москве строились в основном деревянные. Иногда снаружи их штукатурили и даже

красили под мрамор. Но это ли преграда для полыхающего огня?! Дома под его напором рушились; балки, брёвна, доски падали, поднимая снопы искр, огненные головни разлетались во все стороны. Изредка встречавшиеся железные крашеные крыши от непомерной температуры вздувались и коробились, как бумага, прямо у нас на глазах. Повсюду сновали, ища спасения, оставшиеся в городе москвичи, часто полуодетые. В руках они держали иконы в специальных таких застеклённых ящичках; изображения Девы Марии и святого Николая были тем единственным и дорогим для них, что они хотели и могли спасти. А как страшно выли и визжали собаки! Видимо, хозяева не успели спустить их с цепи, и они сгорали заживо.

Мы вошли в Москву в середине сентября. У русских свой календарь, он отстаёт от нашего на двенадцать дней. Например, мы с Жаном-Люком оказались в их старой столице четырнадцатого, а у них значилось ещё только второе сентября. Я тогда находился в двадцатитысячном авангарде Мюрата, который занял Кремль. Наш император по своим соображениям остался в Дорогомилове и приехал в столицу на следующий день. И тут же в ночь начали бушевать пожары. Наполеон был вынужден покинуть Кремль и вернуться в него через несколько дней, когда огонь уничтожил почти три четверти города. Москва в тот момент уже не принадлежала

ни русским, ни, к сожалению, нам. Неуправляемые многонациональные толпы кинулись грабить уцелевшее. Магазины и лавки разграбили подчистую. Помню, идём с Жаном-Люком по улице, кажется, по Кузнецкому мосту, с обеих сторон нас обступают чёрные развалины пожарищ, остовы наполовину сгоревших особняков, разгромленные лавки и, вдруг, — нетронутый книжный магазин, чуть подкопчённый пылавшими соседними зданиями. Действительно, кому он теперь нужен? Но позже, когда стало нечем топить, опустошили и уцелевшие книжные лавки.

А ведь как хорошо начиналось! Вскоре после битвы при Москве-реке (русские называют тот славный бой Бородинским сражением) мы стояли на Поклонной горе. Все с радостью кричали: *Moscou! Moscou!* Так, наверное, после многонедельного плаванья по бурному морю кричат моряки, завидев какой-нибудь махонький островок: земля! земля! И думалось, что император оказался прав, решив оставить Витебск и двинуться на Москву. Мы стояли в виду русской столицы и чувствовали себя, как крестоносцы под стенами Иерусалима. Такого вдохновения я не испытывал ни в Александрии, ни в Каире во время Египетского похода, ни в Вене, ни в Берлине, ни в Варшаве.

*Moscou, Moscou...* Они называют ее *Moscva...* По-моему, и проще, и красивее — *Moscou*. Кто-то

тогда сказал, что это подвиг — сжечь свою собственную столицу назло врагу<sup>3</sup>. Не знаю.

Наше командование сразу же учредило военно-полевой суд, несколько человек расстреляли. Принятая мера запоздала: одна из самых крупных столиц Европы представляла собой чёрные, дымящиеся руины. Москвичи совершили неслыханное жертвоприношение.

Один сержант из егерей рассказывал, что его патруль наткнулся на поджигателей. Они были в каких-то полосатых халатах — вероятно, выпущенные из тюрем преступники. Двое бросились наутёк, а один даже при виде французского патруля продолжал попытки поджечь огромный деревянный особняк. Сержант подскочил к нему и отсек правую руку с факелом. Но поджигатель схватил факел левой рукой и всё же успел подпалить деревянное резное крыльцо. Сержант отрубил ему и вторую руку, а потом заколол фанатика, чтобы бедняга не мучился.

---

<sup>3</sup> До сих пор историки спорят о причинах московских пожаров. В основном речь идет о том, что Москву подожгли лазутчики (или выпущенные из тюрем уголовники) по приказу главнокомандующего столицы Ф.В. Ростопчина (был слух, что повеление отдал сам Кутузов), другие историки считают, что пожары связаны с грабежами и начались по вине французов. Матьё Ронсар воспользовался лишь одним из слухов.

Патрули из фузилёров, егерей и гренадеров начали охотиться за поджигателями. Поймали около двухсот человек (говорили и о трёхстах). На следующий день их расстреляли без суда и следствия, а в назидание другим их трупы выставили на всеобщее обозрение, привязав к столбам и деревьям. Но поджигателей было много, на смену расстрелянным тут же приходили новые, действовали они даже ночью, пуская с колоколен в разные стороны на крыши уцелевших домов что-то вроде огненных снарядов и горящих факелов. Если нам удавалось загасить пожар, то приходилось оставлять часовых, так как спустя какое-то время являлся этот сброд в полосатых халатах и снова раздувал уже, казалось, потушенный пожар. Вскоре поджигателей начали вешать. Площадь, на которой их казнили, мы прозвали «площадью висельников», именуя её так даже дома в Париже в разговорах о русской кампании. А как она называлась на самом деле, мы не удосужились узнать.

Как-то с капралом и пятью солдатами я подошёл к уцелевшему дому. Ворота были наглухо закрыты. Мы уже собирались взломать их, но тут заметили лестницу в подвал. Капрал спустился, и через дом, а потом двором вышел к воротам и открыл их. Провизии в доме оказалось немало: белая мука, масло, сахар, кофе. Порадовал нас и бочонок с аккуратными слоями куриных

яиц, переложенных овсяной соломой. Когда мы, нагруженные добычей, вышли во двор, то увидели трёх русских, один был с пикой, другой с саблей, а последний с горящим факелом. Мы были безоружны, сабли остались в повозке, предназначенной для провизии. Тот, что с пикой, стал наступать на нас. И вот, один мой бравый гренадер, высокий и плечистый бретонец, схватил дышло от парной упряжки, брошенной во дворе, и принялся крутить его над головой, наступая на поджигателей. Те опешили, не зная, что противопоставить такому странному, но грозному оружию. Мой находчивый и храбрый бретонец зацепил одного из них концом дышла, и тот упал, как мне показалось, с перебитой ногой. Двое других бросились наутёк, а мы, подскочив к повозке, похватили свои сабли, нацепили их и никогда уж более не снимали, хотя они и мешали при добыче провианта в узких проходах и низких подвалах.

Нас обвиняют в грабежах, но я не в оправдание, а ради истины скажу вот что. Мы начали грабить, когда увидели, что город поджигают сами русские, что всё равно всё сгорит, то есть фактически мы стали спасать то, что ещё уцелело — провиант, вино, одежду, драгоценности. При этом я не раз слышал, как солдаты подбадривали друг друга криками: «Вырвем из лап огня хоть то, что осталось! Не дадим варварам порадоваться!»

Удивительные сцены доводилось наблюдать во время грабежей. Простые солдаты, расположившись прямо на земле в грязи и лужах, вкушали изысканные блюда с дорогих фарфоровых тарелок и потягивали тонкие вина из золотых и серебряных кубков. Первый и последний раз в жизни они так пиروвали. Офицерам из награбленного досталось меньше, во всяком случае, мы с Жаном-Люком не раз покупали необходимое у собственных солдат или маркитантов.

Император, конечно, не ожидал такой встречи от покорённой столицы русских. И таких последствий не предвидел. Другие столицы Европы сдавались цивилизованно: в конце концов, ведь есть же дипломатический протокол, есть ритуал, согласно которому принято сдавать города. Не обязательно вручать победителю золотой ключ от города на бордовой бархатной подушечке, но всё же что-то похожее должно быть. Во всяком случае, так происходило в Берлине, в Вене, в остальных покорённых европейских столицах.

До последней минуты покоритель Москвы надеялся: «Вероятно, жителям русской столицы незнаком порядок сдачи города, ведь это для них вновь». И действительно, татары в свое время занимали Москву без церемоний.

Главнокомандующий Москвы *Rostoptchine* — император называл его «сумасшедшим поджигателем» —

жил то во Владимире, то в Красной Пахре и оттуда продолжал рассылать свои прокламации, афишки, призывая русских крестьян уничтожать нас. Вот кого надо было бы расстрелять... Хотя граф де Сегюр<sup>4</sup>, не раз встречавшийся с Ростопчиным, отзывался о нём, о его образованности и человеческих качествах, в самых лестных выражениях. Анри Бейль, наш будущий Стендаль, — мы не раз сталкивались в Москве по интендантским делам — рассказывал, что у Ростопчина блестящая библиотека, лучшая из всех, которые он когда-либо видел. А Бейль знал, что говорил, ведь ему выделили две комнаты в особняке Ростопчина, и он провёл там больше месяца.

По делам службы мы с Жан-Люком бывали в Кремле, где на каждом шагу стояли часовые — в основном гренадеры. Фамилия моего друга-эльзасца, как вы знаете, — Бамбергер; отец у него — немец, мать — француженка. Свою фамилию Жан-Люк произносил только на французский манер — Бамбержé. У него имелись приятели в Старой гвардии императора, меня же не раз вызывал в Кремль обер-шталмейстер герцог де Коленкур: в одном из дворцов находились его канцелярия и личные покои.

---

<sup>4</sup> Louis Philippe de Ségur. *L'Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812* — История Наполеона и Великой армии в 1812 году. Опубликовано в 1824 году.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Мы надеемся, что Никоlett всё же переведёт мой перевод на французский (каково звучит — «переведёт перевод»!), и мы впишем его в посиневшие от воды и чернил листы утраченных «Записок». И главное: после долгих мытарств и хождений в Министерство культуры Франции Никоlett всё же получила разрешение на вывоз в Россию иконы Неопалимой Купины. Не оставлять же её там! Ведь моя Никоlett — последняя в роду Ронсаров. Теперь образ стоит в красном углу и согревает нас тихим мягким и тёплым духовным сиянием. Друзья говорят, что надо бы пожертвовать икону в храм. Но куда? Церковь Неопалимой Купины большевики закрыли в 1928 году, а через пару лет снесли. Сколько же уничтоженных храмов на их совести?! Теперь там безликий скверик. Даже и место-то не использовали! Может, когда-нибудь и восстановят храм Неопалимой Купины на Девичьем поле. Три Неопалимовских переулочка постоянно напоминают о нём.

А маленький человечек, задуманный Марком-Матё Ронсаром, всё так же стоит коленапреклонённый на полях образа и покаянно молится за себя, за нас и за весь род людской.

Рукопись. (Вместо предисловия) . . . . .	3
Глава первая. Пламя над Москвой . . . . .	13
Глава вторая. Красно-зелёный куст . . . . .	61
Глава третья. Трофей . . . . .	77
Глава четвёртая. Переправа. . . . .	119
Глава пятая. Париж. Я в огне. . . . .	149
Глава шестая. Опять в мистическом сердце Руси . .	189
Эпилог . . . . .	213

Художественная литература

Василий Костерин

НЕ ОПАЛИ МЕНЯ, КУПИНА. 1812

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*

Выпускающий редактор *М. Мозолина*

Редактор *Т. Неретина*

Технический редактор *Э. Кондрашова*

Корректор *Т. Горячева*

Художественное оформление *А. Козаченко*

Верстка *А. Ярославцев*

Подписано в печать 26.09.2012

Формат 70×100 1/32

Объем 7,0 печ. л.

Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии

Русской Православной Церкви

119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

*Оптовый отдел реализации:*

(499) 246-20-85, 246-52-08

*Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68*

*Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35*

e-mail: [books@rop.ru](mailto:books@rop.ru)

<http://www.rop.ru>